

ЛИЗА МЭРИ ПРЕСЛИ:

Я против внешнего проявления сексуальности

Культура. — 2005. — 1-7 сент. — С. 15

Лиза Мэри ПРЕСЛИ — дочь Элвиса Пресли, унаследовала знаменитый изгиб губ Элвиса и его любовь к музыке. Она трижды выходила замуж: за музыканта Дэнни Кеога, Майкла Джексона и киноактера Николаса Кейджа. Родила дочь и сына, снималась в кино и в 2003 году неожиданно для всех выпустила альбом своих песен "To What It May Concert", завоевавший немало поклонников. Недавно Лиза Мэри выпустила еще один альбом "Now What".

— Вы выросли в семье легендарного певца, и когда начали петь, то понимали, какую высокую планку предстоит преодолеть. Что помогает вам писать песни?

— Мне всегда помогала музыка... Мне всегда нравились певцы, которые сочиняли песни сами для себя, исполнители 70-х, такие, как Джим Крок и Гордон Лайт Фуд. В конце концов, это моя профессия: сделать так, чтобы мысли и чувства, которые я выражаю в песнях, были понятны другим. Поначалу я этого не осознавала. Например, в своем первом альбоме "To Whom It May Concert" я просто писала так, будто старалась освободиться. А потом получила множество писем с ответными откликами на ту или иную строку и подумала: "Черт возьми! На мне лежит большая ответственность. Я действительно должна думать о том, что я пишу, потому что иначе не пойму, какой эффект это может произвести на других людей". Возможно, я была слишком наивной и не понимала, какую высокую планку пытаюсь преодолеть. Я действительно не собиралась объяснять то, что испытала в жизни, потому что я выросла на виду у всех и люди всегда знали, с кем я и что я сделала. Для большинства певцов первая работа становится прорывом, а затем они начинают рассказывать в песнях о себе и о своей жизни. Но со мной происходил прямо противоположный процесс.

— У вас есть песни о любви, и ваш альбом называют "очень сексуальным".

— Я обязательно должна сказать об этом... Я сфотографирована на обложке своего нового альбома "Now What" в бьютиках и даже отказалась показывать живот. Потому что я против внешнего проявления сексуальности.

— Вы выпустили этот альбом, приобретя какой-то жизненный опыт. Это приятно, потому что основная проблема современной музыки — возраст поп-звезд. В основном они становятся знаменитыми к 18 годам, а в этот момент человек мало что понимает в жизни.

— Несколько раз в жизни мы переживаем удары судьбы. Прежде чем начать писать, человек должен обязательно через это пройти.

— Кто помогал вам записывать альбом "Now What"?

— Линда Перри. До того, как мы начали работать вместе, я слышала, что ей понравилась моя первая за-

пись, потому что ее сделали настоящие профессионалы, но испытывала к Линде какое-то неосознанное недоверие. Но когда мы встретились, она мне очень понравилась. Линда чем-то похожа на хамелеона: она может приспособиться к чему угодно и к кому угодно. Первая запись, которую мы сделали вместе, была "High Enough", и Линда предложила отдать ее на радио. Честно говоря, я не предполагала, что ей удастся кого-нибудь заинтересовать моими песнями, но когда все прошло успешно, поняла, что Линда может сделать карьеру любому артисту. Думаю, многие певцы мечтали бы с ней сотрудничать.

— Почему вы включили в свой альбом песню Джона Хенли "Dirty Laundry", которая была очень популярна в 80-х?

— Потому что я, как и он, испытываю отвращение к ситуации, которая сложилась в современном обществе. Пятнадцать лет назад, когда я впервые услышала эту песню, я ощущала то же самое, но со временем это чувство стало еще острее. Думаю, что сейчас "Dirty Laundry" еще точнее описывает современную ситуацию, чем в тот момент, когда она была написана. В шоу-бизнесе певцов часто используют, заставляя их делать унижительные вещи, а от этого просто заболеваю. Но мне не хочется, чтобы слушатели думали, что, исполняя эту песню, я говорю о себе. Это просто эпитафия к моему новому альбому и песня, больше всего подходящая для исполнения на радио, потому что ее хорошо знают.

— Почему на радио так любят, когда исполнители включают в свои альбомы старые песни? И, всегда, представляя новый альбом, ставят именно их?

— Потому что люди, работающие на радио и в звукозаписывающих компаниях, не очень хорошо понимают, что делает сейчас тот или иной певец. Поэтому я подумала: "Вам нужно что-нибудь знакомое? Я спою песню, которая будет тяжелой, кровавой и подействует так же, как выстрел в лицо". "Dirty Laundry" нельзя исполнять слишком часто: эта песня действует слишком сильно.

— Вы не пытались параллельно записывать еще один альбом?

— Нет. Бывает, что певец записывает несколько альбомов, чтобы разобраться в себе и найти собственную дорогу. Но сейчас часто бывает так: если в течение недели песня не стала хитом, на певца перестают обра-

Фото из журнала "Интервью"

Л.Пресли

щать внимание. Как будто это фильм, когда через неделю проката можно по кассовым сборам понять, интересуется он зрителем или нет. Сейчас певица должна выглядеть сексуально, сделать экстравагантную стрижку и выполнять то, чего от нее ждут. Но я поступаю иначе.

— О ком говорится в вашей песне "Идиот"?

— О человеке, который меня очень унижил. О человеке, который превращал мою жизнь в ад, пока я не сказала: "Знаешь что? А пошел-ка ты к чертовой матери! Я готова выстрелить в тебя, чтобы намертво пригвоздить к стене".

— В своем новом альбоме вы часто говорите о мужчинах так, как решились бы говорить немногие женщины.

— Да, особенно в этой песне. Я не хочу сдерживаться и не собираюсь скромно, униженно молчать. Иногда стоит кого-нибудь как следует послать.

— Какой музыкальный стиль на вас повлиял?

— Раньше я слушала очень много музыки. Любила рок-н-ролл, "Sex

Pistols", "Dabby Bone". Но музыка, которую сочиняешь, не связана с тем, что ты прослушал совсем недавно. Сейчас мало интересных исполнителей. Есть диски, которые мне даже не хочется слушать.

— Иногда вам приходится выступать на огромных стадионах. Вас это не утомляет?

— Нет, это довольно забавно... Помню, когда я в первый раз спела песню "Divas Live", я поняла, что совсем не дива.

— Есть люди, которые ждут вашего провала?

— Конечно. И я поняла это, когда стала репетировать песни для альбома "Now What". Я часто плакала и думала: "Я не понимаю, зачем я это делаю, это какой-то сумасшедший дом...". Мне казалось, что на меня возложили слишком большую ответственность. От меня очень много ждали, но очень многие хотели, чтобы я провалилась. Есть люди, которые ждут не дожудтся, чтобы разорвать меня на клочки. Но я ненадолго потеряла над собой контроль. Мне помогла мысль, что я записываю альбом для людей, которым нравится

моя музыка, и это значит, что я должна его сделать как можно лучше.

— В каком возрасте вам впервые захотелось стать певицей?

— Мне захотелось стать певицей в три года. Помню, как я вертелась перед зеркалом, держала руку так, будто в ней был микрофон, и пела. В моей комнате стоял маленький проигрыватель, и я целыми днями слушала записи своего отца, "Neil Diamond" или "Sweet Inspiration" или еще что-нибудь из того, что мне нравилось. В 1989 году, когда я родила дочь Дэниэль, сразу написала песню "Baby, I Love You". И записала ее в альбоме Дэнни Кеога просто для того, чтобы понять, могу я петь или нет. Начинать всегда трудно, но я неплохо спела и после этого сразу же начала писать песни.

— Все знали, что у Элвиса есть дочь, но ваша мама Присцилла Пресли не допускала к вам фотографов и оберегала вас от журналистов.

— Я благодарю Бога, что у меня такая мать. Сейчас я вижу, что происходит с людьми, которые растут на глазах у бульварных журналистов, и во что очень быстро превращаются молоденькие девочки. Я рада, что мама не пускала меня на сцену.

— Благодаря вашей маме мы знаем, как вы пели в детстве. Она записала вас в песне "Ворон". Сколько вам было тогда лет?

— Три года. Я много раз слушала эту запись, и всякий раз она заставляет меня плакать. Мама родила меня очень молодой, фактически она сама была девочкой. А ей пришлось пережить и испытать такое, что удаётся выдержать немногим. Но это не изменило ее характера. Я обожаю свою мать. И недавно пожалела, что ничего не написала о ней в своем новом альбоме, хотя должна была. Мне хотелось бы поблагодарить маму за все, что она для меня сделала.

— Некоторые критики считают, что в альбоме "Now What" часто возникает тема смерти.

— Я говорю не о смерти, а о внутренней ранимости каждого человека, о его внутреннем одиночестве. Я понимаю, что всегда сама по себе. У меня нет компании друзей, поклонников, которые бы меня окружали, или чего-нибудь в этом роде. Я хотела бы быть с кем-то связанной и принадлежать к какой-нибудь компании, но чтобы такое произошло, мне всегда приходится идти на компромиссы. В "Now What" говорится о том, что я чувствую сейчас, о том, что для меня действительно важно, и о том, к чему я стремлюсь.

По материалам журнала "Интервью" подготовила Ольга РОМАНЦОВА